

Рыжая шла по кромке прибоя такой походкой и такими ногами, что Андрей Лиховцев не выдержал, вздохнул.

— Жаль, — сказал, оборачиваясь и провожая девицу тоскливым взглядом.

— Чего тебе жаль, Лихой? — спросил Семен Виноградов, для своих просто Сема, и поскреб внушительный бицепс.

Андрей не без усилий отвел взгляд от девицы, отобрал у друга бутылку с ледяной минералкой, сделал жадный глоток, поперхнулся и закашлялся. Вода выплеснулась на нагретую южным солнцем кожу, прохладными ручейками побежала по груди.

— Так жалко-то тебе чего? — Сема деликатно, но все равно весьма ощутимо врезал ему между лопаток — помог товарищу.

Андрей снова оглянулся, но рыжая уже затерялась в толпе отдыхающих, а вот сожаление и чувство несправедливости мироустройства никуда не делись.

— Вот скажи мне, друг Сема, проституция — это зло? — спросил он.

— Зависит от того, с какой стороны поглядеть. Помнится, бывали ситуации... — Сема многозначительно пошевелил бровями, видимо, намекая на деликатность и неоднозначность ситуаций. —

А чего это ты озадачился? Думаешь, она того?.. — Он тоже обернулся всем своим массивным, с виду неуклюжим телом.

— Не думаю — знаю.

— И когда только успел! — Сема забрал бутылку. Воды в ней оставалось на самом дне. — Мы ж тут всего второй день, и ты вроде как вел праведный образ жизни. Или все-таки согрешил?

— Не успел.

Андрей стер со лба пот, с вождением посмотрел на опустошенную бутылку. Жажда в данный момент волновала его куда сильнее девушек. Хотя девушки — это тоже очень хорошо и даже замечательно, а особенно девушки, вырвавшиеся на пляжно-курортную волю из пыльных городов. Дочерна загорелые тела, прикрытые микроскопическими клочками ткани, а иногда и вовсе ничем не прикрытые. Призывные улыбки, многообещающие взгляды. Солнце, море, вино, зажигательная музыка и жажда приключений. Андрей точно знал, что они с Семой не пожалеют о своем скоропалительном решении рвануть на юга. Просто нужно чуть больше времени, чтобы прийти в себя, отойти от очередной, на сей раз особо ожесточенной стычки со Стариком, забыть про их ни на секунду не угасающую неприязнь.

Он и на море-то укатил в пику Старику, да еще и Сему с собой увез. Пусть теперь повертится старый хрыч, пусть поработает в одиночку. Небось отвык за восемь-то лет. Будет знать, как выдвигать ультиматумы.

А курорт — это здорово! Андрей за свои неполные двадцать девять еще ни разу не бывал на на-

стоящем курорте. В детстве о море и речи не шло: не было денег, и он проводил каникулы, слоняясь день-деньской по грязным улицам сонного провинциального городка или купаясь с друзьями в мутных водах загаженной отходами химкомбината речушки. Потом, когда в его жизнь вошел Старик и твердой рукой стал эту жизнь перекраивать, у Андрея появились деньги, огромные, по его тогдашним представлениям, но исчезли свободное время и возможность распоряжаться собственной судьбой.

Нельзя сказать, что он безропотно подчинялся — отнюдь! Он бунтовал и сопротивлялся воле Старика с первого дня их знакомства, но тот всякий раз брал верх, заставлял плясать под свою дудку. А несколько дней назад Старик перегнул палку, и Андрей послал все к чертям. Нашел-таки в себе силы...

...Разговор вышел тяжелый. Да и не разговор вовсе, а так — монолог. Старик говорил, Андрей отмалчивался. Отмалчивался до тех пор, пока хватало сил. Вот только силы закончились неожиданно быстро. И он ушел. Пожелал Старику хорошего дня и свалил из офиса.

Там, в роскошном кабинете Старика, ему совсем не думалось, организму было не до дум — защититься бы, улизнуть из-под гранитного давления чужой воли целым и невредимым. Улизнул. А оказавшись на воле, Андрей вдруг понял, что подумать-то как раз нужно. О многом подумать.

Думалось, как ни странно, лучше всего в клубе с незатейливым названием «Тоска зеленая». Заведение было специфическим, нравилось не всем, но отчего-то многим. И мрачный интерьер в красно-

серых тонах, и вязкая замогильная музыка, и неприветливые официанты в черных хламидах, и Жертва, хозяин и идейный вдохновитель.

Жизнь в «Тоске» была ключом после заката солнца, а вот при свете дня Андрей оказался в клубе впервые. И не узнал. Тихо, пустынно, официантов в хламидах не видать. И только Жертва, худой, долговязый, бледнолицый, дремлет за барной стойкой.

— Стопарь водки. — Андрей уселся на стул, здороваться не стал, в «Тоске» церемонии не приветствовались.

Жертва молча кивнул, так же молча достал откуда-то из-под стойки бутылку.

— Еще один чудесный день? — спросил, наблюдая, как Андрей опрокидывает в себя рюмку.

— Поразительная наблюдательность! Ты даже не представляешь, до какой степени чудесный! — От выпитого легче не стало, но он и не надеялся на мгновенный эффект.

А Жертва уже наливал вторую рюмку.

— Работа у меня такая — наблюдать.

— Хорошая у тебя работа. Мне бы такую.

— Освободилась должность вышибалы. — Жертва растянул тонкие губы в гримасе, которая означала крайнюю степень расположения. — У тебя внешность подходящая, брутальная.

— Я подумаю. — Может, и в самом деле подумать? Жертва в роли босса — всяко лучше, чем Старик.

— Совсем хреново. — Жертва не спрашивал, он констатировал очевидное. И на вторую опустевшую рюмку посмотрел многозначительно.

— Наливай уже, — подбодрил Андрей. — Бог троицу любит.

— Может, закусь какую соорудить?

— Не надо. Мы так, без закуси.

Жертва скептически хмыкнул, налил третью рюмку и все-таки поставил на стойку тарелку с ветчиной и крошечными маринованными огурчиками. Андрей тоже хмыкнул, потянулся за огурчиком. Жертва смотрел на него грустно, со смесью сочувствия и осуждения, а потом вдруг сказал:

— Расслабиться тебе нужно, Лихой, отдохнуть по-человечески. Бери с собой телку какую-нибудь и лети в Тайланд или на Сейшелы.

Андрей задумался. Идея была хороша. Вот только лететь он не хотел, он предпочитал своим ходом, чтобы дорога черной лентой, пыль из-под колес и пронсящиеся мимо километры трассы. Дорога его всегда успокаивала лучше всяких психологов. Старик однажды попробовал... с психологом. Что из этого вышло, вспоминать не хотелось.

— Мне бы в пределах страны и без телки. — Идея нравилась ему все больше и больше.

— В пределах страны я тебе организую. Есть у меня одно местечко на примете, тихое такое, почти девственное по нынешним временам. А про подружку ты все-таки подумай. — Жертва подался вперед, изогнулся над стойкой этаким горбатым мостом. — Есть у меня знакомая — с ума сойти, какая девочка! Тоже, кстати, устала от суеты, захотела к морю. — Во взгляде его, доселе тусклом и невыразительном, загорелся шальной огонь. Это было так неожиданно, что Андрей на время позабыл о собственных горестях.

— Жертва, ты никак сводничеством решил заняться на старости лет?

— Я бы сказал — сутенерством. — На бледных щеках Жертвы вспыхнул яркий румянец порока. — Она — настоящая профи! Если ты понимаешь, о чем я...

— Настоящая профи... — Разговор об ударнице секс-индустрии волновал Андрея мало, но коль уж обычно немногословный Жертва вдруг заговорил о сокровенном, следовало поддержать беседу.

— Я с ней был лишь однажды, но до конца дней своих не забуду. — Жертва со свистом втянул в себя воздух, вот как его прихватило! — Потрясающая женщина! Берет, правда, дорого и клиента выбирает сама. Если мужик ей не понравится, она с ним ни за какие деньги не пойдет.

— С принципами, значит, — усмехнулся Андрей.

— А со мной пошла! — Жертва приосанился, даже как будто в плечах шире стал. — Я ей понравился, нашла она во мне родственную душу.

— А я-то, дурак, думал, что в этом деле родство тел куда важнее. — Не хотелось пошлить, как-то само собой вышло.

— И это тоже, разумеется. Но, скажу я тебе, не каждый с ней сможет. — Жертва говорил уже едва слышно. — У нее знаешь какое амплуа?

Андрей пожал плечами.

— Садо-мазо... — выдохнул Жертва и снова вернулся к обычной своей мертвенной бледности.

— Садо-мазо — это когда кожаное белье, цепи, плетки и наручники? — И издеваться Андрей тоже не хотел, опять как-то само собой вышло.

— Это когда дисциплина, подчинение и чуть-чуть насилия. — Иронии Жертва не расслышал.

— Ясно, значит, почти как в армии. — Андрей не стал спрашивать, какую роль Жертва играл во время того незабываемого свидания. У каждого свои слабости.

— Она такая... Фигурка точеная, волосы точно медь, глаза обалдеть... Катей зовут.

— Красивое имя, царское. — Андрей как умел поддерживал беседу. — Только мне никакой Кати не нужно: ни садо, ни мазо. Я с Семой поеду. Ты мне лучше расскажи о том чудесном месте, в которое твоя медноволосая дива отправляется. Надеюсь, там никаких извращений не будет?

— А кто здесь говорил об извращениях? — Жертва отпрянул, оскорбленно поморщился, принялся сосредоточенно полировать салфеткой столешницу. Все-таки обиделся. — Она не извращенка, она своего рода целительница... для тонко чувствующих натур. И вообще, она с тобой ни за что не захочет. Ей нравятся интеллектуалы, а не такие вот мужланьы, — сказал он наконец и бросил неодобрительный взгляд на Андреевы бицепсы.

Ответить Андрей не успел, хлопнула входная дверь, в клуб ввалился Сема.

— Еще один мужлан, — хмыкнул Жертва и демонстративно отвернулся.

Мужлан Сема, сто двадцать пять кило живого веса, два метра роста и гора мышц, сощурился, привыкая к полумраку, а потом решительным шагом направился к стойке. Усевшись на соседний стул, он сбросил пиджак, ослабил узел галстука и до локтей закатал рукава рубашки. Вытатуированный на его правом предплечье дракон, казалось, ожил и едва заметно взмахнул перепончатыми крыльями. Наверное, в тысячный раз Андрей пожалел, что у него нет такого дракона.

Татуировку Сема сделал четыре года назад, когда впервые в жизни решил «культурно отдохнуть». Андрей так и не понял, почему из всех возможных туров друг выбрал поездку в Китай. Можно подумать, в его бурном прошлом было мало экзотики! Из Китая Сема вернулся спустя месяц, притихший,

просветленный, с бритой наголо башкой и драконом на предплечье. Через пару недель просветленность выветрилась, волосы отросли, а вот дракон остался. Он нежно обвивал Семину руку, шевелил крыльями, шуршал изумрудной чешуей и всякий раз вызывал в душе Андрея смутные, до конца не осознанные порывы.

— Что будем пить? — вяло поинтересовался Жертва, на которого драконья магия совсем не действовала.

Сема печально посмотрел на початую бутылку водки, и на его тяжеловесном, словно топором рубленном лице отразились следы внутренней борьбы.

— Минералку. Я на службе.

— Считай, что с этого момента ты в отпуске. — Андрей забросил в рот еще один огурчик. — Завтра едем на юга.

— Босс в курсе? — Во взгляде друга появилось обоснованное сомнение.

— С боссом я сам разберусь.

Андрей очень сомневался, что Старика обрадует перспектива остаться еще и без начальника службы безопасности, но... сам виноват.

— Когда летим? — Его бесконечные стычки со Стариком Сему изрядно напрягали, но в этом противостоянии он неизменно принимал сторону друга.

— Не летим, а едем. На машине!

Новый внедорожник — по-мужски угловатый, грозный, мощный — прочно занял почетное второе место в списке любимых Андреевых игрушек, уступая пальму первенства лишь мотоциклу. Черная, как сама ночь, «Хонда», по-женски стремительная и в чем-то даже коварная, была для Андрея не просто транспортным средством, он относился к ней с тре-

петом, холил и лелеял, еженедельно полировал ее стальные бока, кормил самым дорогим бензином, выгуливал. «Хонда» любила ночные прогулки по пустынным автотрассам. И Андрей их тоже любил. Восторженный рев мотора, бешеная скорость, ныряющая под колеса разделительная полоса... Они становились единым целым, и это чувство единения с железным зверем пьянило сильнее любого алкоголя. Сема, лучший друг и соратник, увлечение одобрял целиком и полностью. И довольно часто по ночному шоссе, обгоняя ветер и друг друга, мчались два мотоциклиста: Андрей на своей «Хонде» и Сема на здоровенном «Харлее».

— А куда? — вывел его из задумчивости голос Семы.

— Вот сейчас у Жертвы и узнаем.

Жертва, оскорбленный Андреевой черствостью, какое-то время хранил молчание, но все-таки заговорил, озвучил координаты и адрес райского местечка, в котором любят отдыхать рыжеволосые жрицы любви и уставшие от бизнес-войн крутые парни, и даже телефон хозяина подкинул. Хозяин, кстати, оказался кузеном Жертвы, и Андрей начал подозревать, что человеколюбие в данном конкретном случае идет рука об руку со сребролюбием. Свой процент от сделки предприимчивый Жертва непременно поймает.

Но Жертва не подвел. Рекомендованный им пансионат действительно оказался райским местом, причем, как ни странно, довольно уединенным. До ближайшего населенного пункта, маленького, изнемогающего от жары и нашествия отдыхающих, — десять километров, зато море — вот оно, рукой подать! Белый песок, прозрачная вода — красотища!

Пансионат им понравился. Зелено, уютно, комфортно. Домик-бунгало прятался за какими-то цветущими и благоухающими кустами, создававшими иллюзию уединенности. В бунгало имелся весь необходимый набор удобств и излишеств, начиная с кондиционера и заканчивая баром. Мебель была без затей, но новой и вполне удобной. Сема тут же рухнул на одну из кроватей, вытянулся во весь свой двухметровый рост, блаженно закрыл глаза.

— Устал. Спать хочу, — сказал, зевая во всю пасть. — Хочу и буду, — добавил с нажимом.

— А море? — спросил Андрей. — Как можно спать, когда на море не побывал?

— Что мне море! Я, если хочешь знать, океан видел.

— А я вот океан не видел. Стыдно сказать, почти до тридцати лет дожил, и вот так...

Ему не то чтобы было так уж стыдно — скорее странно. И к морю хотелось нестерпимо. Выспаться всегда успеет.

— Ну так сходи, посмотри, если стыдно. — Сема снова зевнул. — А я пока посплю.

К вожделенному морю Андрей шел не спеша, аккуратно обходя жарящиеся на солнце тела. Ему хотелось побежать, плюхнуться с разгону в воду, как это делают мальчишки. Ведь море же! Настоящее море! Но он уже не ребенок. Он крутой бизнесмен, солидный мужик и должен сдерживать эмоции. И еще где-то глубоко в душе жила уверенность, что стоит только проявить поспешность, как кто-нибудь обязательно догадается, что за свою почти тридцатилетнюю жизнь он, крутой бизнесмен и солидный мужик, ни разу не был на курорте. В самом деле, неловко...

Море оправдало все его ожидания: оно оказалось огромным, пахло йодом и водорослями. Даже на вкус оно было именно таким, каким Андрей его себе и представлял — горько-соленым. Жаль только, слишком много народу вокруг, слишком мало простора. Ему не хотелось делиться морем с этими незнакомцами, хотелось единоличного обладания. Значит, придется искать более уединенное место.

А за ужином Андрей увидел медноволосую диву Катерину. Девушка была хороша, Жертва и тут не обманул. Конечно, не писаная красавица, но с изюминкой. И фигура — то что надо, и волосы — густые, длинные, не то светло-каштановые, не то темно-рыжие. Цвет глаз Андрею разглядеть не удалось, но он почти не сомневался, что они зеленые. У рыжих женщин должны быть зеленые глаза — это закон природы. И на имя Катерины она отзывалась. Андрей собственными ушами слышал, как ее соседка, дебилая, пышнотелая блондинка, называла рыжую Катюшей.

Значит, вот она какая — женщина, покорившая черствое сердце Жертвы, профессионалка, превращающая порок в твердую валюту. А может, все-таки стоит познакомиться, расширить, так сказать, горизонты? Садо-мазо — это тебе не хухры-мухры. Нужно же когда-нибудь и к извращениям приобщиться.

Почему-то, несмотря на заверения Жертвы, что дива предпочитает утонченных интеллектуалов, у Андрея не возникло и тени сомнений, что ему не откажут, нужно лишь предложить правильную цену. Своя цена есть у любой женщины, это он усвоил хорошо.

Тип был нахальный и самоуверенный. Смотрел прямо в глаза с этакой кривоватой ухмылкой, от которой по коже, несмотря на жару, бежала ледяная поземка. Или причина не в ухмылке, а во взгляде — каком-то волчьем, исподлобья? И лицо... век бы не видеть таких лиц! Смуглое, несимметричное из-за пересекающего левую щеку шрама, сизое от пробивающейся щетины. А башка, наоборот, выбрита наголо, кстати, куда более тщательно, чем подбородок и щеки. Браток, решивший отдохнуть от трудов праведных, но не понимающий, как должно отдыхать нормальным людям. Дикарь... Ну и черт с ним! Пусть смотрит, с нее не убудет. Катя улыбнулась братку холодно-снисходительной улыбкой и отключилась.

Она давно обнаружила в себе замечательную способность абстрагироваться, возводить невидимый барьер между собой и окружающими. При ее профессии эта способность была просто жизненно необходима. Иначе — край, иначе рано или поздно можно стать такой же, как те несчастные, с которыми приходится иметь дело.

Свой выбор она сделала сама. Ее никто не заставлял. Наоборот, Лиза пыталась отговорить, переубедить, потому что лучше, чем кто бы то ни было, понимала, чего стоит сестре это решение. Но Катя поступила так, как считала правильным. Отвращение и неприятие отходят на задний план, когда дело касается денег. А деньги ей нужны, даже жизненно необходимы. Вернее, не ей, а Дениске, четырехлетнему Лизиному сыну. И пока проблема не решится — а она уже почти решилась! — Катя работу не сменит и будет общаться с людьми, которые

иногда и не люди вовсе. А с отвращением она как-нибудь справится, чай, не кисейная барышня.

Дениска болел с самого рождения, с первых дней жизни. Врожденный порок сердца у ребенка — диагноз, который заставляет взрослых бояться будущего, радоваться каждому прожитому дню, сжимать кулаки от бессилия и все равно надеяться. У Дениски порок был очень серьезный, неоперабельный. То есть операбельный, но за границей. Катя специально узнавала, наводила справки, уточняла суммы. Суммы получались неподъемные. Почти. Потому что они с Лизой справились! Продали оставшуюся после смерти родителей однокомнатную квартиру в спальном районе, переселились в съемную «однушку» у черта на куличках, кое-чего подкопили и собрали-таки необходимую для операции сумму. И это было такое счастье! И билеты у Лизы уже на руках, и госпитализация согласована.

Катя тоже полетела бы в Германию — поддержать, помочь сестре и племяннику, если бы не расходы — на поездку для троих денег уже не хватало. И Катя поехала в отпуск, первый полноценный отпуск за последние три года.

Путевка досталась ей совершенно случайно, хоть Лиза и считала, что вполне заслуженно, выпала таким вот неожиданным выигрышем. Сначала Катя не поверила. Какой еще выигрыш, когда в азартных играх ей отродясь не везло! Она всего лишь позвонила на местную радиостанцию, чтобы заказать поздравление на день рождения Дениски. А на радиостанции разыгрывали путевку, одну-единственную, предоставленную каким-то неведомым Кате туроператором. И путевка от доселе неведомого туроператора в доселе неведомый, но весьма комфортабельный приморский пансионат доста-

лась ей. Убедившись, что происходящее не розыгрыш, Катя попыталась обменять путевку на деньги. Деньги всяко нужнее какого-то глупого отдыха!

Не получилось. Путевка оказалась вполне реальной, обмену на деньги не подлежала и требовала от Кати принятия быстрого решения. Решение за нее приняла Лиза.

— Катя, ты едешь на море! — сказала и нахмурилась, предвосхищая все возможные возражения. — У нас с Денисом все готово, билеты куплены, до нашего отъезда ты успеешь вернуться.

И Катя поехала!

Пансионат и в самом деле оказался хорошим, вот только обещанный в агентстве номер-люкс оказался занят, и Катю поселили с Марьей...

Одной, конечно, было бы лучше, по крайней мере спокойнее, но Катя помнила про дареного коня и в зубы ему заглядывать не спешила. Соседка — это еще не самое большое зло. По крайней мере, ей так показалось в первые минуты знакомства.

А потом Марья заговорила и, кажется, больше не замолкала. Всего за какую-то четверть часа она успела поведать Кате всю свою биографию, рассказать о нелегкой бабьей доле, о том, что муж-негодяй после шести лет жизни душа в душу вдруг совершенно внезапно ушел к молодой вертихвостке, у которой ни кожи, ни рожи, ни образования. О том, что в свои тридцать она осталась одна-одинешенька и твердо решила начать жизнь с чистого листа: перекрасилась в блондинку, сделала модную стрижку, потратила последние деньги на новый гардероб. О том, как однажды ночью ее посетила шальная мысль поехать на курорт, развеяться, себя показать, других посмотреть — одним словом, отомстить быв-

шему единственным доступным ей способом, закрутив курортный роман.

Страстное желание соседки обзавестись кавалером, а если очень повезет, то и супругом, Катя понимала, хотя сама к курортным романам относилась крайне скептически и в любовь с первого взгляда не верила, но разубеждать Марью не стала. В конце концов, каждый человек имеет право на заблуждение, и с чего бы ей, Кате, вмешиваться в чужую жизнь?! Хочется Марье кокетничать, носить короткие юбки и маечки на босу грудь пятого размера – и пусть носит! Хочется ей большой и чистой любви – и пожалуйста! А Кате пора на пляж, к морю!

В два часа дня на пляже было нестерпимо жарко, и Катя пожалела, что не захватила с собой шляпу. Девушка, в отличие от большинства рыжих, хорошо загорала и практически никогда не страдала от солнечных ожогов. Но это дома, в умеренных широтах, а здесь, на юге, кто его знает! С запоздалым страхом она подумала, что под безжалостным южным солнцем ненавистных веснушек, и без того многочисленных, станет еще больше. Радость от встречи с морем слегка поблекла, но ненадолго, до того самого момента, пока Катя не вошла в прохладную, пахнущую йодом и солью воду.

Минут через сорок уставшая, но счастливая Катя выбралась на берег и рухнула на обжигающе горячий песок. Хорошо-то как! Море – это тебе не речка и уж тем более не бассейн. Море – это простор и свобода!

Катя любила плавать. Наверное, в прошлой жизни она была уткой. Во всяком случае, так утверждала Лиза. Плаванием Катя занималась с четырех лет, профессионально занималась. Она подавала

надежды, и если бы не травма позвоночника, случившаяся десять лет назад, то, возможно, сейчас ее профессиональная жизнь могла бы сложиться совсем иначе. А так с большим спортом пришлось расстаться, но бассейн Катя посещала регулярно. Отчасти для того, чтобы поддерживать в тонусе мышцы травмированной спины, отчасти ради собственного удовольствия. Вот как сейчас. Надо только поискать место потише, чтобы можно было не только поплавать, но и спокойно позагорать.

* * *

— Слушай, Лихой, а ты Старику-то хоть раз звонил после того, как мы отчалили? — спросил Сема.

— Не звонил. — Андрей мотнул головой.

Они шли по берегу, все больше удаляясь от шумного пансионатского пляжа. Несмотря на Семины протесты, Андрей решил поискать «место под солнцем» подальше от галдящей толпы отдыхающих. Они прошли уже, наверное, с километр, когда он с удовлетворением заметил, что пляж становится все более пустынным. Все чаще им попадались не шумные компании, а ищущие уединения парочки и одиночки, загорающие почти голяком.

Увидев фигуристую бронзовотелую девицу, залегшую недалеко от воды, Сема восторженно приревновал и заметно приободрился. Девица одарила их томным взглядом и неспешно перевернулась со спины на живот, демонстрируя дочерна загорелые ягодицы. Сема замедлил шаг, сказал восхищенно:

— Ты посмотри, Лихой, какая женщина! Богиня! Тело-то, тело какое!

Андрей кивнул, но без особого энтузиазма. Он приветствовал определенную пышность дамских форм, но в данном случае имелся явный перебор.

— Знаешь, Лихой, — замедлил шаг Сема, — ты иди и никуда не сворачивай, а я тебя догоню... потом. Пойду, поспрошаю, не нужно ли даме чего. Ну, там спинку кремом помазать...

— Ну пойдя, спроси, — разрешил Андрей.

Наверное, богиня приняла ухаживания Семы благосклонно. Во всяком случае, возмущенных воплей Андрей не услышал. Он прошел еще метров тридцать, а потом не выдержал, обернулся, чтобы увидеть, как друг, высунув язык от усердия, намазывает спину богини кремом для загара. Больше он оборачиваться не стал, от греха подальше.

Андрей неспешно брел по влажному песку и думал, что крути не крути, а Старику позвонить придется. Сегодня утром уже состоялся разговор с Егором Силантьевым, любимчиком и одним из ставленников Старика. И разговор этот оказался совсем неоптимистичным.

Старик был в бешенстве, несмотря на то что Егор пытался сгладить углы. Вот только на сей раз не слишком успешно. Увы-увы... А если кто и мог повлиять на Старика, так только Егор. Во всяком случае, Андрею так казалось. Силантьев так же, как и он сам, был выкормышем Старика, но, в отличие от Андрея, всегда оправдывал ожидания. В душе Андрей Силантьевым даже восхищался, хоть и считал скучным педантом. Егор был немногим старше его, но умудрялся выглядеть презентабельно и солидно, несмотря на тщедушное телосложение и невзрачную физию. Строгие костюмы, шелковые галстуки, туфли ручной работы, часы от Картье, очки в золотой оправе или и вовсе без оправы, модный пар-

фюм — все очень дорогое, качественное, тщательно подобранное по цвету и стилю и, на взгляд Андрея, невообразимо скучное. Сам он следовал правилам и этикету лишь в исключительных случаях, а в деловом костюме чувствовал себя крайне некомфортно, точно закованным в средневековые латы. Силантьев же ходил в таком виде ежедневно, и Андрей ни разу не видел, чтобы верхняя пуговица его идеально отутюженной сорочки была расстегнута. Так же основательно и скрупулезно Силантьев относился не только к выбору одежды, но и ко всему, за что брался. Он был настоящим профессионалом, грамотным и расторопным, но, как ни странно, лишенным всякой амбициозности. И товарищем он оказался хорошим, Андрей неоднократно в этом убеждался. Только Силантьеву удавалось гасить вспышки гнева Старика и худо-бедно урегулировать его, мягко говоря, непростые отношения с Андреем. И если уж Силантьев говорит, что дело — труба, значит, так оно и есть. Старик готов привести приговор в исполнение...

Андрей невесело усмехнулся. Они со Стариком были знакомы уже пятнадцать лет, и все эти годы тот поступал с Андреем как с куском глины, неспешно, но неотвратно вылепливая из него то, что считал нужным. Он и относился к Андрею как к куску глины — сырому и не очень качественному материалу. Кто же станет интересоваться у глины, чем она хочет стать?..

* * *

...Отца своего Андрюха никогда не видел. Сначала, когда мать почти не пила, она говорила, что отец — летчик-испытатель, погибший при испол-

нении боевого задания, и шестилетний Андрюха верил ей безоговорочно. Когда ему исполнилось десять, мама уже пила и в редкие моменты просветления называла отца подлюкой, негодяем и желала ему скорейшей смерти, из чего Андрюха сделал вывод, что отец его все-таки жив, а не погиб «при исполнении». Мысль, что у него есть папка, гвоздем засела в мозгу. А к двенадцати годам, когда мама окончательно спилась, желание отыскать отца стало для Андрюхи навязчивой идеей. Ночами, лежа на грязном, дурно пахнущем тюфяке и уставившись воспаленными от бессонницы и сигаретного дыма глазами в потолок, он, горький двоичник, закоренелый хулиган и бич божий, предавался мечтам светлым и радужным, не имеющим абсолютно ничего общего с серой, пахнущей перегаром и блевотиной действительностью.

В этих мечтах отец по-прежнему оставался героем летчиком-испытателем, а не негодяем и подонком. В этих мечтах отец не подозревал об Андрюхином существовании, а когда открывалась правда, прилетал за ним прямо на боевом самолете и забирал с собой в другую, счастливую жизнь. Потом, уже вдвоем с отцом, они уговаривали маму бросить пить. И мама бросала, потому что очень их любила и ради них готова была на что угодно. А потом они жили все вместе, долго и счастливо...

Наверное, директор школы, в которой учился Андрюха, очень удивился бы, узнай вдруг об этих мечтах. И инспектор по делам несовершеннолетних, и главварь местной шпаны Лазарь, и Леночка Колесникова, первая красавица класса, тоже удивились бы. У такого конченого человека, как Андрюха Лиховцев, хулигана, грубияна, прогульщика и потенциального уголовника, просто не могло

быть подобных светлых мыслей. Впрочем, о своих мечтах Андрюха никому никогда не рассказывал и предавался им лишь глубокой ночью, когда и директор школы, и инспектор по делам несовершеннолетних, и Лазарь, и Леночка Колесникова, и мама с очередным сожителем крепко спали.

Если не принимать во внимание эту маленькую слабость, Андрюха считал себя человеком солидным и удачливым. В иерархии дворовой шпаны он удерживал почетное четвертое место, что было очень нелегко, учитывая его возраст. Лазарю стукнуло уже семнадцать, а всем его «замам» — по пятнадцать-шестнадцать, и только Андрюха в свои неполных четырнадцать удостоился невиданной чести. Он дрался с отчаянным остервенением, неплохо владел самодельными нунчаками и в бесконечных уличных стычках оказывался незаменимым бойцом. Однажды в особо ожесточенной схватке с пацанами из соседнего района, когда силы оказались неравны и почти все его «братья по оружию» с позором бежали, Андрюхе довелось сражаться плечом к плечу с самим Лазарем.

В той незабываемой стычке оба сильно пострадали. Андрюхе куском арматуры вспороли плечо — рана потом долго болела и дажегноилась, — а Лазарю сломали нос. Тогда им тоже пришлось отступить, но это было достойное отступление, а не трусливое бегство. Именно с того момента Лазарь стал выделять отчаянного салагу. С того момента началось стремительное восхождение Андрюхи по дворовой иерархической лестнице.

Он был бесстрашным, расчетливым и неглупым. Он отчетливо видел свои дальнейшие перспективы. Уличная банда — это всего лишь трамплин. Андрюха не собирался уподобляться Лазарю и стано-

виться хулиганом-переростком. Он знал, что есть и другие пути. Он внимательно присматривался к качаным, коротко стриженным ребятам в черных кожаных куртках, разъезжающим на иномарках. Сначала он станет одним из них, потом — одним из тех, кто ими руководит. А потом...

Так далеко Андрюха не загадывал. Идти к цели нужно поэтапно, если повезет, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. А пока... пока Андрюха довольствовался четвертым местом в дворовой банде.

Банда промышляла мелким воровством, а Лазарь, помимо всего прочего, приторговывал травкой. У Андрюхи всегда водились карманные деньги, немалые для тринадцатилетнего пацана. Средства, в отличие от своих товарищей, он тратил с умом — собирал, откладывал, а потом покупал что-нибудь на самом деле нужное. Например, одежду.

Нормальной одежды у него, считай, и не было. Выцветшая куртка, из которой он вырос год назад, — на осень и зиму. Старые, латаные-перелатанные брюки, несколько футболок и растянутый вязаный свитер — на весну и лето. Но хуже всего дела обстояли с обувью. Андрюхины ноги росли катастрофически быстро, и почти новые ботинки, которые мама купила ему полгода назад в один из своих редких светлых периодов, теперь немилосердно жали. Поэтому, когда у него появились деньги, Андрюха первым делом купил себе кеды. На что-то более основательное собранной суммы не хватило. Собственно говоря, кеды и определили его будущий стиль. Андрюха решил, что к спортивной обуви нужна соответствующая одежда, и вторым его приобретением стал спортивный костюм. Костюм был дешевый, в жару в нем оказалось душ-

но, в мороз — холодно. Но зато он был новым и очень красивым.

А потом Андрюха прикупил джинсы, несколько футболок и начал копить деньги на кожаную куртку. До осуществления мечты оставалось совсем чуть-чуть, когда его планы спутала Леночка Колесникова, девочка из другого, неведомого Андрюхе мира, мира, где есть папа и мама, где в холодильнике полно еды, а простыни чистые и хрустящие, где тебя все любят и ты всем нужен. За этим волшебным миром Андрюха наблюдал со стороны с презрительной усмешкой и затаенной, упрямой далеко-далеко завистью. Он убеждал себя, что ему наплевать на всю эту обывательскую ерунду, что он ничуть не хуже чистеньких, прилизанных мальчиков и девочек из другого мира, что его жизнь гораздо интереснее и романтичнее их скучного существования, но в глубине души понимал, что их скучное существование правильнее и естественнее, чем его помеченная романтика. И от этого Андрюха становился еще злее и все дальше — хотя куда уж дальше! — отдалялся от своих благополучных сверстников.

Леночка Колесникова была его тайной любовью. С некоторых пор мечты о ней даже потеснили мечты об отце, но Андрюха трезво оценивал ситуацию и понимал, что у него нет ни единого шанса. Леночкина семья была не просто благополучной, а суперблагополучной. Мама — заведующая ГОРОНО. Отец — директор химкомбината. Поэтому Леночка общалась только с самыми-самыми: самыми умными, самыми красивыми, самыми перспективными. У нее был свой круг друзей, и Андрюхе Лиховцеву путь туда казался заказан. До недавнего времени...

Андрюха хорошо запомнил тот осенний день, когда Леночка отделилась от группы глупо хихика-

ющих подружек и неспешным шагом направилась в его сторону. Он едва удержался от желания оглянуться, посмотреть, не стоит ли за спиной кто-нибудь более удачливый, более достойный Леночкиного внимания.

— Лиховцев, — она улыбнулась ему впервые в жизни. Да что там, она и обратилась к нему впервые!

— Тебе чего? — Получилось грубо. Наверное, от неожиданности.

— Холодно. — Леночка поежилась. — И темно. Проводишь меня до дома?

Андрюха перестал дышать. Даже в самых смелых фантазиях он не заходил так далеко.

— Лиховцев! — Леночка дернула его за рукав куртки. — Лиховцев, ау!

— Чего аукаешь? Мы что, в лесу? — буркнул он и тут же испугался, что теперь-то она точно обидится и уйдет. Но она не обиделась. Даже наоборот, звонко рассмеялась.

— Он, оказывается, и шутить умеет, — сказала, обращаясь то ли к Андрюхе, то ли к своим дурам-подружкам. — Так проводишь или мне кого другого попросить?

И Андрюха понял, что вот сейчас, прямо в эту секунду, жизнь его изменилась раз и навсегда...

...У Леночки Колесниковой было все, о чем только может мечтать тринадцатилетняя девушка. Родители, души не чающие в своем единственном чаде, друзья, во всем с ней солидарные, поклонники, жадно ловящие каждое ее слово, фирменные шмотки, деньги на карманные расходы, сравнимые с зарплатой их классухи, возможность каждое лето выезжать на отдых, и не куда-нибудь, а за границу. Но несмотря на все это, Леночка чувствовала себя

несчастной. Леночку одолевала тоска. У сладкой жизни имелась и обратная сторона, она называлась пресыщением. Леночке вдруг стало скучно и неинтересно жить, захотелось чего-нибудь нового, запретного, чего-нибудь, что всколыхнуло бы ее спокойный, подернутый ряской мир. И как обычно, Леночкино желание исполнилось почти сразу.

«Что-нибудь новенькое» не заставило себя долго ждать. Оно с независимым видом стояло в десяти метрах от Леночки и вертело в посиневших от холода пальцах пачку дешевых сигарет. Вернее не оно, а он — Андрей Лиховцев, парень из другого, нескучного мира, хулиган, задира и двоечник. Леночка видела его в школе почти каждый день, но никогда не обращала на него внимания. А теперь вот обратила и удивилась.

Высокий, широкоплечий, он выглядел гораздо старше своего возраста. Старше и опытнее. Он смотрел на мир ярко-синими, презрительно сощуренными глазами. У него были длинные девчоночьи ресницы, черные брови и вьющиеся волосы, такие же черные, как брови. И подбородок у него был очень даже ничего, волевой такой подбородок. В общем, если одеть его в приличную одежду, а не в эти убогие тряпки, если аккуратно подстричь и убрать хмурую гримасу, он стал бы настоящим красавчиком. И даже странно, что ни одна из ее подружек до сих пор не заметила, какой он на самом деле — Андрей Лиховцев.

Леночка улыбнулась. Вот оно — ее приключение, нечесаное и дикое. Она возьмет на себя роль дрессировщицы, превратит дворового кота в ласкового котенка. На мгновение Леночка усомнилась, что эта задача ей по силам, но решительно отбросила сомнения и направилась к Лиховцеву. Одного-един-

ственного взгляда хватило, чтобы понять — Лиховцев пойдет за ней куда угодно и сделает для нее что угодно. Любая женщина в состоянии почувствовать такие вещи, а Леночка была стопроцентной женщиной.

Ее приключение стремительно набирало обороты. Дворовый кот превратился в ласкового котенка даже раньше, чем она предполагала. Злой, непредсказуемый и даже опасный, с ней он становился совершенно ручным и, что немаловажно, не ограничивался словами и пустым обожанием. Он ухаживал красиво, как настоящий мужчина. Он дарил Леночке милые безделушки: шоколадки, плюшевые игрушки и даже цветы. Живые цветы в преддверии зимы — жест, который может позволить себе не всякий взрослый мужчина. Леночка принимала подарки как должное, не озадачиваясь вопросом, где мальчишка из неблагополучной семьи берет деньги. Как всякая уважающая себя красавица, она была уверена, что заслуживает только самого лучшего, а технические детали казались ей неинтересными. По-настоящему Леночку волновало только одно: о приключении не должны узнать родители.

Уже три месяца ей удавалось хранить свою маленькую тайну. На людях они с Лиховцевым вели себя как заправские конспираторы. Никаких контактов, безгласное равнодушие с ее стороны, молчаливое презрение — с его. Все как и раньше. Даже ближний Леночкин круг ни о чем не догадывался. Подумаешь, однажды принцессе пришла в голову блажь, захотелось, чтобы ее проводил до дома нищий! Блажь прошла, нищему дали от ворот поворот. Вот и все.

О том, что принцесса и нищий тайком встречаются, знала лишь Верка, лучшая Леночкина подру-

га. Знала, но держала язык за зубами, потому что дорожила Леночкиным особым расположением. Впрочем, как и все остальные...

...Андрюха пересчитал имеющуюся наличность. Результаты не радовали. С мечтой о кожаной куртке он расстался еще пару месяцев назад, когда только начал встречаться с Ленкой. Любовь требовала жертв, и он, не раздумывая, шел на жертвы. Вот только деньги закончились. Нужно было срочно что-то предпринять. Проще всего казалось пойти по проторенному пути, но ради Ленки Андрюха твердо решил покончить с темным прошлым. Однако, ступив на праведный путь, столкнулся с неожиданной проблемой. Оказалось, он еще слишком молод, чтобы работать. Никто не желал связываться с четырнадцатилетним юнцом.

Помощь пришла от Шурика, последнего в длинном списке мамкиных ухажеров. Шурик Андрюхе даже нравился. Он не орал на Андрея, не предлагал ему накатить за компанию и даже иногда снисходил до бесед. Во время одной из таких бесед Андрюха и рассказал о своей проблеме.

— Значит, работу хочешь найти, салажонок? — Шурик одним махом опрокинул в себя стопку водки.

— Хочу. — Андрей кивнул. — Но не берет.

— Молодой ты еще, не знаешь, где искать. — Шурик подцепил вилкой маринованный огурчик.

— Работать он надумал. В дневнике одни двойки, а он работать! — Мамка вдруг очнулась от пьяной дремы, посмотрела мутным взглядом.

— А ну, женщина, цыц! — прикрикнул на нее Шурик. — Малец твой настоящим мужиком растет, не о выпивке, как мы с тобой, думает, а о хлебе на-

сущном. — Он плеснул себе еще водки, задумчиво поскреб подбородок.

— Мне налей, — попросила мамка.

— Тебе хватит, — отрезал Шурик и отодвинул бутылку.

— У, ирод! Любимой женщине беленькой пожалел!

Андрюха в бессилии сжал кулаки. Он любил свою маму, несмотря ни на что, но иногда ему хотелось, чтобы у него вообще не было матери. Такие страшные мысли пугали, заставляли чувствовать себя последним подонком, но он ничего не мог с собой поделать.

— Я не беленькой пожалел, я тебя, дура, пожалел, — ласково сказал Шурик. — Давай-ка тебя спать уложу. — Он выбрался из-за стола, подхватил вяло сопротивляющуюся маму под мышки и потащил в спальню.

Андрюха обвел взглядом крошечную замызганную кухню. Голое, несколько лет не мытое окно, облупившиеся стены, вытертый до дыр линолеум, подслеповатая лампа под потолком. Из мебели — покрытая коркой грязи плита, ржавая мойка, полка для посуды, колченогий стол и три табурета. По столу, заставленному грязными тарелками, рюмками и пустыми консервными банками, деловито прохаживался таракан. Андрея замутило. Внезапно нахлынувшее отвращение к себе, к миру, в котором ему приходится существовать, было так велико, что он чуть не расплакался. Никогда! Никогда он не станет жить в таких скотских условиях! У него появится много денег, новая квартира с огромной-преогромной кухней. У него будет все, чего он пожелает!

— Ишь, совсем оборзел рыжий! — Вернувшийся в кухню Шурик с видом энтомолога-любителя по-

смотрел на таракана. — Сейчас я тебя, родной... — Он прицелился и хлопнул здоровенной ручищей по столу. Задребезжала посуда. Андрюху передернуло, а Шурик вытер ладонь о штаны и добродушно усмехнулся.

— Не люблю, когда борзеют. Ночью пусть ползают, где захотят, а при свете дня я тут хозяин. Правильно?

Андрюха молча кивнул.

— Теперь давай поговорим о работе. — Шурик потянулся за бутылкой. — Я тебе помогу...

Слово свое Шурик сдержал. И на следующий день, вернее, следующей ночью, у Андрюхи появилась работа, не очень легальная и очень тяжелая, зато приносящая реальные деньги.

Шурик работал бригадиром грузчиков на городском рынке. Мужики в его бригаде были неплохие, но равнодушные к выпивке. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не ушел в запой.

— Значица так, ты, Андрюха, парень крепкий, должен справиться, — инструктировал Шурик. — Будешь на подхвате, если кто не придет. Расплачиваться с тобой станет тот, чью задницу ты прикроешь. Не переживай, обмана и несправедливости я не потерплю. Расчет наличными, никаких бумаг. Кто спросит, сколько тебе лет, говори, стукнуло шестнадцать. Выглядишь ты старше своего возраста, не придерутся.

И Андрей взялся за работу. Под насмешливыми взглядами грузчиков лихо вскидывал на спину двадцатикилограммовые мешки с сахаром, таскал ящики с консервами и тощими куриными тушками. Старался.

Шурик подошел к нему во время первого перекура и одобрительно похлопал по плечу.

— А ты, салажонок, молодец! Не из хлипкого десятка.

Андрюха благодарно кивнул и глубоко, по-взрослому, затянулся сигаретой.

— Только ты смотри, жилы-то не рви, — посоветовал Шурик. — Это сначала легко кажется, а потом спину разогнуть не сможешь.

Андрюха снова кивнул и сплюнул себе под ноги.

— Так ты меня понял? — переспросил Шурик. — Не рвись. Там, где одному тяжело, зови меня. Подсоблю.

— Спасибо, дядя Шура. Я все понял.

На самом деле ничего он не понял. Вернее, понял, но слишком поздно. Всю смену Андрюха старался не отстать от остальных, и ему это почти удавалось. В шесть утра Шурик отозвал его в сторонку и сунул в руки измятые, замусоленные купюры и бумажный сверток.

— Держи, салажонок, свой заработок! А это, — он кивнул на сверток, — цыпленок. Отдашь матери, пусть суп сварит.

— Спасибо, дядя Шура! — Андрюха прижал к груди пакет с цыпленком.

— Не за что, заработал. Ну, давай пять! — рукопожатие Шурика было крепким и болезненным. Андрюха невольно поморщился.

— А ну-ка дай глянуть! — Шурик перехватил его запястье и нахмурился, увидев покрытую кровавыми мозолями ладонь. — Я ж тебя предупреждал, дурья твоя башка! А ты что?

Андрюха пожал плечами. Мозоли — это ведь такая ерунда!

— Значицца, так, завтра на работу не выходишь.

— Но, дядя Шура!

— Никаких «но»! Я сказал, завтра не выходишь! — рявкнул Шурик. — Марш домой, салажонок!

До дома Андрюха добрался к семи утра и без сил рухнул на свой матрас. Масштабы бедствия он оценил лишь, когда во втором часу дня разлепил глаза. Все тело ныло. Андрюха потянулся — в позвоночнике что-то хрустнуло, и он охнул от острой боли, по-стариковски кряхтя и чертыхаясь, сполз с матраса. Боль из позвоночника тут же перетекла в ноги. Вот тогда-то он и понял, что имел в виду Шурик, когда настоятельно советовал не рвать жилы.

Мамка была на работе, в квартире царил тишина. Андрюха выполз на кухню, бухнул на плиту закопченный чайник и с вялым любопытством посмотрел на кастрюльку, стоящую посреди стола. В кастрюльке обнаружился наваристый куриный бульон — мамка нашла принесенный им трофей и даже сварганила супчик. В животе громко заурчало. Андрюха налил себе бульона, выловил тощую куриную ногу, отломал кусок черствой булки. Через пару минут тарелка опустела, а в животе снова заурчало. Молодой растущий организм требовал добавки, и Андрюха пошел на поводу у своей ненасытной утробы. Вскоре кастрюлька опустела наполовину. Он с наслаждением обглодал крылышко, доел остатки булки. После такого роскошного обеда боль слегка отступила, на ее место пришла сытая расслабленность. Андрюха сгрузил посуду в мойку и побрел в спальню. В школу он сегодня решил не ходить и мысленно поблагодарил Шурика за дарованный выходной.

Больше Андрюха не лихачил, работал старательно, но осмотрительно. Пару недель мышцы

продолжали болеть, а потом перестали, наверное, тело привыкло. Гораздо тяжелее физических нагрузок Андрей переносил хроническое недосыпание. Ночная работа, потом несколько часов сна, потом школа — будь она неладна! — потом короткое свидание с Ленкой и снова работа.

Андрюха терпел и даже был счастлив. Теперь у него появились реальные деньги, которых хватало не только на маленькие подарки Ленке, но даже на собственные Андрюхины нужды. И мамка перестала ворчать. Она молча забирала принесенные продукты, готовила из них нехитрые обеды и, будучи в хорошем расположении духа, даже иногда хвалила сына за хозяйственность. Андрюха чувствовал себя настоящим мужиком — добытчиком и защитником. Наконец-то судьба ему улыбнулась! Сбылись почти все его мечты. У него есть настоящая мужская работа, заработанные собственным трудом деньги, Ленка...

При мысли о Ленке в животе у Андрюхи делалось горячо и радостно. Самая красивая девочка в школе — да что там, в городе! — не считает зазорным встречаться с ним! Тот факт, что встречаются они тайком, Андрей старательно игнорировал. Ленка любит его. Она ему так и сказала: «Люблю тебя, Лиховцев!» Это было как раз вчера, когда они прятались от февральского мороза в подъезде, ели пирожки с повидлом и целовались.

Андрюха впервые поцеловал Ленку совсем недавно, всего каких-то четыре дня назад. Робкий целомудренный поцелуй Леночка приняла благосклонно, и он решился — или пан, или пропал! — и поцеловал ее по-настоящему, по-мужски. Целоваться его научили дворовые девчонки, ушлые и безбашенные. Они научили его не только целоваться,

но и многому другому. Но это «другое», совсем уж взрослое, никаким боком не касалось его Ленки. Дворовые девчонки — это одно, а Ленка — совсем другое.

Они шли, обнявшись, по безлюдной, плохо освещенной аллее. Они специально выбрали этот путь, потому что шансы встретить здесь знакомых были ничтожно малы. Они могли расслабиться и не бояться, что их застукают. Они могли наслаждаться тихим зимним вечером, и легким морозцем, и пляшущими в тусклом свете фонарей снежинками, и многозначительным молчанием.

Аллея заканчивалась. Еще метров пятьдесят — и она упрется в хорошо освещенную улицу. Тогда им придется расстаться. Точнее, не совсем расстаться, но идти порознь, делая вид, что они незнакомы. Ленка — впереди, Андрюха — сзади, на таком расстоянии, чтобы не потерять ее из виду и в то же время не вызвать ненужных подозрений.

— ...Оба-на! Кто к нам идет?! — Три черные фигуры выросли точно из-под земли. — Привет, Лихой! — Одна из фигур шагнула вперед, под оранжевый свет одинокого фонаря.

Леночка вздрогнула, вцепилась в Андрюхину руку, а сам он скрипнул зубами от досады.

О чем же он думал?! Какой черт понес его на чужую территорию, да еще с девушкой! Двоих, по-прежнему оставшихся в темноте, он не разглядел толком, зато говорившего узнал мгновенно. Да и кто из дворовой шпаны не знал Дему, главаря самой большой и самой опасной уличной банды?!

Дему знали все! Знали и боялись. Он был настоящим отморозком, одинаково жестоким как с чужими, так и со своими. Ходили слухи, что он

искалечил одного парня просто за то, что тот оказался недостаточно расторопен, когда Деме вздумалось прикурить, опоздал с зажигалкой. В эти слухи Андрюха верил. Дема мог избить человека даже за гораздо меньшую провинность. Для этого у него имелся идеальный баланс между крепкими, тренированными в подвальной «качалке» мышцами и микроскопическим мозгом. Баланс этот был подкреплен звериной злостью и солидной коллекцией колюще-режущих предметов, с которой Дема никогда не расставался.

— Давно хотел с тобой встретиться, Лихой! — Дема недобро улыбнулся. Его дружки гнусно захихикали.

Андрюхино сердце испуганно екнуло, волосы на загривке встали дыбом. Дурное предчувствие стремительно перерастало в уверенность. Влип... Силы неравны. Их трое, он один. Нет, не один, а с Ленкой, но это еще хуже. Без Ленки он не стал бы рисковать и ввязываться в драку, а просто сделал бы ноги. Андрюха был смелым, но не безрассудным. Но с ним Ленка, и с ней далеко не убежишь. Это во-первых. С Ленкой он должен вести себя как настоящий мужик. Это во-вторых.

— Ну че, Лихой, побазарим? — Дема сделал шаг, в его правой руке что-то блеснуло.

Ленка взвизгнула и спряталась за Андрюхину спину.

— Спокойно, — сказал он, сам до конца не понимая, кому адресовано это «спокойно»: поигрывающему «пером» Деме, насмерть перепуганной Ленке или себе самому.

Нунчаки и нож остались дома. Кто же ходит на свидание с нунчаками! В его распоряжении было только одно оружие — массивный перстень в виде

стального черепа, предмет особой гордости Андрея. С большой натяжкой перстень мог сойти за кастет. Конечно, до настоящего кастета с его свинцовой тяжестью перстню было далеко, но за неимением лучшего...

— Давай побазарим! — Андрюха шагнул навстречу Деме. — Только ее, — кивнул он в сторону Ленки, — отпустите. Ей о наших делах знать необязательно. Она вообще посторонний человек.

— А раз посторонний человек, — ослабился Дема, — так и не сильно расстроится, когда мы будем из тебя отбивную делать.

За спиной Демы заржали его дружки. За спиной Андрюхи сдавленно пискнула Ленка.

— Лен, слышишь? — прошептал он, не оборачиваясь. — Ты беги... прямо сейчас. Слышишь?..

Глупая Ленка даже не думала бежать. Она мертвой хваткой вцепилась в Андрюхину куртку, повисла, сковывая движения. А Дема с дружками приближались. Еще пару секунд — и будет поздно...

— Беги! — заорал Андрюха и оттолкнул от себя Ленку. — Беги, дура!

Она наконец очнулась, тоненько закричала и только потом, потеряв несколько бесценных мгновений, бросилась бежать.

Конечно, она не успела. Две черные тени, огибая заматавшегося Андрюху, помчались следом. Ленка бежала, как молодой козленок, высоко вскидывая острые коленки, по щиколотки утопая в зыбком февральском снегу. «Успеет — не успеет» — стучало в висках.

Она не успела... Одна из теней прыгнула вперед, и Ленка под тяжестью навалившегося на нее тела рухнула на землю. Тени радостно заржали. Их хохот почти заглушил крик боли и отчаяния. Кричали

оба: и Ленка, уткнувшаяся лицом в снег, и бегущий к ней Андрияха.

Если бы не Ленка! Если бы не ее отчаянный крик, он бы, возможно, не поступил так глупо, не подставился под удар. Но Ленка захлебывалась слезами и криком, и Андрияха потерял голову и на мгновение забыл про Дему. А Дему ни за что, ни при каких обстоятельствах нельзя было сбрасывать со счетов! Андрияха знал это и все равно подставился...

Он успел уклониться лишь в самый последний момент — удар кастетом пришелся не на непокрытую голову, а на обмотанную толстым шарфом шею. И все равно это был очень опасный удар. Его хватило, чтобы Андрияха, нелепо взмахнув руками, упал на колени. А из пелены жгучей боли выплыло понимание — пощады не жди, Дема пойдет до конца. Тяжелый, подкованный железными пластинами ботинок обрушился на Андрияхин затылок. Оранжевый свет одинокого фонаря мигнул и погас...

...Андрияху привела в чувство все та же боль. Он замычал и замотал налитой свинцом головой, разлепил веки и уставился на снег у своих ног. Снег был черный. Андрияха не сразу понял, что это черное — его кровь.

— Смотри, Дема, очухался! — Андрияху больно дернули за волосы, запрокидывая вверх гудящую голову, в шее что-то хрустнуло. Он застонал, матерно выругался.

— А вот теперь побазарим. — Демино лицо приблизилось, закрыло небо и редкие звезды. — Давно я хотел с тобой побазарить, Лихой.

Андрей попытался повернуть голову, найти глазами Ленку, но тот, кто стоял сзади, резко рванул

вверх заведенные за спину Андрюхины руки. Почти невыносимая боль волной прокатилась от плечей до кончиков пальцев. Чтобы не заорать, он прикусил разбитую в кровь губу.

— О девке своей беспокоишься? — Дема улыбался, и улыбка его была безумна. — Не надо о ней беспокоиться. Пока с ней ничего страшного не случилось. Пока я хочу поквитаться с тобой, паскуда! За двенадцатое сентября. Помнишь? — Он осклабился, в темноте блеснули корявые зубы, верхнего резца не хватало. У Андрюхи был хороший удар.

— Мало я тебе тогда врезал...

Не надо было его злить, но... не удержался.

И Дема тоже не удержался, коротко, без замаха, ударил кулаком в челюсть. Рот тут же наполнился кровью. Андрюха сплюнул, осторожно прошелся языком по зубам. Зубы, как ни странно, оказались на месте.

— Мало. — Голос Демы теперь доносился откуда-то сбоку. — Надо было добивать, когда имелась такая возможность. А раз не добил, так теперь моя очередь. Гвоздь, держи его крепче! Лось, тащи сюда девку! Пусть смотрит!

Ленка была без шапки, в расстегнутой шубке. Ленка смотрела на него совершенно безумным взглядом, пыталась что-то сказать.

— Ленка... — Разбитые губы кровили, но боли Андрюха не чувствовал. — Не бойся, Ленка...

Она не стала его слушать, зажала уши ладошками и замотала головой. От бессилия Андрюха готов был заплакать сам. Или возможно, он уже плакал. Щеки оказались мокрыми, он не знал от чего: от слез, крови или тающих снежинок...

— Ленка...

— Я не узнаю тебя, Лихой. Будь мужиком! — весело сказал Дема. — Хотя с такой смазливой рожей трудно быть мужиком. Но сегодня я добрый, сегодня я тебе помогу...

Лезвие возникло прямо перед Андриюхиными глазами, задергалось, заплясало.

— Что тебе чикнуть, Лихой? Что тебе нужно меньше всего? Ухо? — Лезвие заскользило по влажному виску. — Или, может, нос? Зачем тебе нос? — Кончик ножа нежно пощекотал правую ноздрю.

Андрюха молчал.

— Настоящего мужика украшают шрамы. — Деминны пальцы вцепились в волосы, удерживая голову в запрокинутом положении. — Волосы длинные, как у бабы! — зашептал Дема ему на ухо. — Лихой, тебе говорили, что ты похож на бабу?

Острое жало ножа уперлось в щеку чуть ниже левого глаза. Андрюха моргнул, ресницы скользнули по лезвию, смахивая с него снежинки. Жало недовольно заворочалось. На мокрой то ли от слез, то ли от снега щеке выступила капля крови. С каждым мгновением она становилась все больше и все краснее. Устав бороться с земным притяжением, капля кровавой слезой поползла вниз, прочерчивая фарватер на Андриюхиной щеке. Следом по фарватеру заскользило лезвие, рассекая кожу и мышцы, царапая кость. Скольжение было неспешным и безжалостным. Оно давало возможность прочувствовать рождаемую им боль и оценить эту боль по достоинству. Словно это была и не боль вовсе, а дорогое французское вино, оставляющее после себя изумительное послевкусие. Послевкусие у боли оказалось тоже по-своему изумительное — горько-соленое, заставляющее голову кружиться, а позвоночник

натягиваться струной, вырывающее из горла придушенный хрип...

...Кровавая слеза доползла до подбородка, на секунду застыла и двинулась дальше по выгнутой дугой шее, параллельно лихорадочно пульсирующей вене. Лезвие, успевшее вспахать щеку от нижнего века до уголка рта, с разочарованным всхлипом вышло из человеческой плоти и тут же радостно задрожало от предвкушения.

Вот она — вена, полная крови и жизни...

Вот он — кровавый фарватер, совсем рядом, параллельно...

Неправильный фарватер!

Лезвие дернулось, намечая другой путь: не вдоль, а поперек.

Рассечь вену, выпустить на волю пульсирующую струю крови, выпустить на волю человеческую жизнь...

Андрюха пришел в себя за несколько секунд до того, как острое ножа дрогнуло, примеряясь к беззащитной шее.

Все...

Теперь уже точно все. Они прирежут его как свинью. Шутки кончились...

И Андрюхе, поверженному, почти смирившемуся со своей участью, вдруг нестерпимо сильно захотелось жить.

Плевать, что их трое, а он один!

Плевать, что у них ножи и кастеты!

Все это ничто, по сравнению с очнувшимся от спячки инстинктом самосохранения. Инстинкт ласково отодвинул Андрюху в сторону и принялся за дело сам...

Андрюхин затылок откинулся назад, впечатался в переносицу тому, кто стоял сзади. И тому, кто

стоял сзади, сразу стало не до Андрюхи. Но Дема, мысленно уже заглянувший в мертвые глаза врага, не желал останавливаться, Дема жаждал крови, на стоящей, чтобы до последней капли.

Пригодился перстень.... Удар пришелся в висок, и Дема упал.

Инстинкт самосохранения сделал свое дело и удалился, оставив Андрюху стоять над поверженным врагом. В гудящую, точно колокол, голову стали просачиваться звуки: вой того, что с перебитым носом, придушенное дыхание того, кто раньше держал Ленку. Этот второй пятился от Андрюхи, медленно отступал спиной в темноту. Длинные руки его свисали плетьюми, а взгляд сделался совсем диким.

Ленки не было...

— Где Ленка? — заорал Андрюха, и собственный голос причинил ему боль.

— Он не шевелится... — Второй продолжал пятиться, правый глаз его дергался. — Ты же его того... Ты убил его!

Он еще что-то кричал, испуганным, похожим на собачий лай голосом. Пятился и кричал. А тот, что с перебитым носом, вдруг перестал выть и начал громко икать. Но Андрюха их не слышал, Андрюха наконец увидел Ленку.

Ленка лежала в снегу, съезжившись, обхватив голову руками. Андрюха удивился, что не заметил ее сразу. Как можно было не заметить?..

— Ленка... — Он упал на колени, обхватил ее за плечи. — Ленка, ты что? Что они с тобой сделали?! Ну, Ленка, что же ты молчишь?..

Его щеки, особенно левая, снова были мокрые: не то от слез, не то от тающих снежинок...

Спустя целую вечность она открыла глаза, всмотрелась в его лицо и закричала.

— Ленка, ты чего? Все уже хорошо... Я же обещал.... — Андрюха попытался улыбнуться, но губы не хотели слушаться.

— Ты... ты!.. — Аккуратный пальчик с розовым ноготком уперся Андрюхе в грудь.

— Ленка... Леночка, — повторял он как заведенный, а она отталкивала его руки и пыталась уползти.

— ...Эй, пацан, а ну оставь девочку в покое! — слышалось откуда-то сверху.

Андрюха поднял голову, растерянно моргнул, разглядывая детину в пуховике и лохматой волчьей шапке. Из-за его широких плеч опасно выглядывала какая-то тетка. Увидев Андрюхино лицо, детина отступил на шаг, а тетка ахнула и перекрестилась.

— Что? — спросил он растерянно.

— Я говорю, девочку не трогай, урод!

— Так я не... — Андрюха не успел договорить, потому что Ленка, жалобно всхлипнув, вскочила на ноги, бросилась к тетке.

— Ну, что ты, что ты, милая! — Тетка подхватила ее под руки и прижала к груди. — Не плачь, детка. Никто тебя больше не обидит. Ванюшка мой сейчас с этим злыднем разберется. — Она говорила и смотрела на Андрюху. Во взгляде ее было... отвращение.

— Разберись. — Детина навис над Андрюхой. — Ну что, урод, рассказывай, зачем ты к девочке приставал!

— Я не...

— Ванька, а ну-ка иди сюда! — послышался из темноты хриплый, прокуренный голос. — И щенка с собой прихвати. Да покрепче держи, чтобы не убег.

Андрюху дернули за воротник куртки и потащили. На сопротивление не осталось сил. Силы

вдруг враз кончились. Как и понимание того, что происходит.

— Ну, что тут, батя? — Ванюшка остановился рядом с коренастым мужиком, встряхнул Андриюха так, что клацнули зубы.

— Дрянь дело, сынок. — Мужик присел на корточки рядом с Демой, сунул в зубы сигарету, но так и не зажег. — Парень-то того... Помер, кажись...

И Андриюха с устрашающей ясностью вдруг понял, что Дема лежит не просто так, не потому что без сознания, а потому что этот незнакомый мужик прав — Дема мертв. Он, Андриюха, его убил. Убил и даже не понял, как...

— Как это помер, батя? — Детинушка ослабил хватку, и Андриюха, вдруг утративший остатки сил, опустился на снег.

— Так и помер! Пульса нет, глаза, вишь, открыты. Башкой о бордюр саданулся и помер. Вот тут бордюр снегом присыпан, сразу и не разглядишь...

А Ленка знала... видела, как он убивал. Для нее он теперь убийца...

Громко, очень громко, заголосила тетка.

— Лидка, кончай выть! — велел мужик. — Бери девочку и идите отсюда куда-нибудь. — Он задумчиво пожевал незажженную сигарету и добавил: — Милицию надо бы вызвать, раз уж дело такое. Слышь, Лидка? А мы с Ванькой тут пока покараулим.

Тетка перестала голосить, сгребла в охапку Ленку и, беспрестанно оглядываясь на лежащее на снегу тело, потрусилась по аллее.

Егор Сидорович проводил долгим взглядом жену и девочку, прикурил наконец сигарету и посмотрел на сидящего на земле пацана.

Ишь, как отделали! Морда — сплошной синяк. Рана на пол-лица, кровяца хлещет. Надо бы тряпицу какую приложить. А у этого... у трупа вроде и следов насилия особых не видно. Конечно, если не считать насилем проломленный череп. Это что же выходит? Сначала этот, который сейчас труп, пацаненка мордовал, а потом уже пацаненок отыгрался. Так, что ли? Не сам же он себя так расписал...

Егор Сидорович задумчиво поскреб щетину. За свои шестьдесят с лишним лет он навидался всякого. В молодости досыта нахлебался романтики. Исколесил весь Дальний Восток. Ходил в море на рыболовецких траулерах, когда месяцами вокруг только вода и опостылевшие морды, когда до земли сотни километров, и работа каторжная, и отдушины никакой, когда бабы только на картинках, а романтика сидит в печенках. Тогда он был чуть старше этого салажонка с изуродованным на всю оставшуюся жизнь лицом и тоже, бывало, дрался, и нож в ход пускал... Эх, молодость — глупость! Егор Сидорович тяжело вздохнул. Его, тогда молодого и горячего, бог миловал, уберег от греха: и сам жив остался, и не угробил никого. А мальчонку вот бог не уберег...

Андрюха замерз. Смотрел в остекленевшие глаза своего врага и клацал зубами. Холод выморозил все чувства, наслал блаженное оцепенение, позволил ни о чем не думать. Андрей и не думал. Просто смотрел в мертвые Демины глаза. Он не видел, как мужик в тулупе, недовольно побряхтывая, поднял с земли серый вязаный шарф, которому положено было согреть Андрюхину шею, а не валяться на снегу.

— Сколько их было? — спросил он, аккуратно складывая шарф «гармошкой».

— Кого?

— Тех, кто тебя так отделал. Тут ведь не один человек работал. — Мужик закончил возиться с шарфом и заглянул Андрюхе в глаза. — Наследили.

— Не было больше никого.

Это его дело. Его и Демы-покойника...

— Не было, говоришь? — Мужик хмыкнул, протянул шарф. — На-ка вот, приложи к ране.

— Батя, ты чего?! — Дитина возмущенно мотнул башкой. Волчья шапка едва не свалилась в снег. — Ты чего этому уроду помогаешь? Он же человека убил и девчонку хотел изнасиловать!

— А ну, цыц! — Дядька смотрел на сына снизу вверх, но от его взгляда тот, казалось, стал меньше ростом. — Отца надумал учить?! — Докуренная до самого фильтра сигарета с сердитым шипением упала в снег.

— Так ведь...

— Цыц, я сказал! Надо слепым быть, чтобы не увидеть, что сначала пацаненка били, а потом уж он... И девчонку он не обижал! Какое уж тут насилие, когда на нем самом живого места нет?! Правильно я говорю, парень?!

Шарф пропитался кровью почти сразу. Андрюха перевернул его другой стороной, с ненавистью посмотрел на мужика. Жалеть его надумал?.. А где же он раньше был, когда еще оставалась возможность что-то исправить?.. Появился хотя бы на пять минут раньше, и Андрюхе не пришлось бы сейчас смотреть в мертвые Демины глаза, и с Ленкой бы все было хорошо... А теперь уже поздно, жалей не жалей. Теперь он убийца...

— Дурак! — Мужик с досадой покачал головой. — Послушай меня, сынок. Если сейчас мозги не включишь, тебя посадят за убийство. А вот если выяснится, что у этого, — кивнул он в сторону мертвого Демы, — имелись сообщники и напали они первые, дело может принять совсем другой оборот. Они напали, ты защищался. Сечешь? Это уже не убийство, а превышение допустимой самообороны. Совсем другая статья. И срок другой. Ну, так сколько их было?

— Трое... — Отвечать не хотелось, но в тюрьму не хотелось еще сильнее, и Андрюха заговорил.

— Так, а девочка с ними была или с тобой?

— Не было никакой девочки! Слышишь?! Я один был! Ленка тут вообще ни при чем!

— Значит, не было девочки? Ты подумай, от ее показаний многое зависит.

— Не было ее тут. — Силы уходили, и решимость тоже. Но Ленку втягивать нельзя. Ленка не виновата, что он так... подставился.

— Иван, отпусти его. — Мужик встал, похлопал сына по плечу. — Никуда он не убежит. Ты же не убежишь?

Андрюха не ответил. Куда ему бежать? От себя не убежишь. Теперь он для всех убийца: и для мамы, и для Шурика, и для Ленки, и даже для этого незнакомого дядьки... От накотившей вдруг слабости Андрюха улегся в снег рядом с Демой. Стало почти хорошо. Умереть бы...

* * *

Место было идеальным, просто изумительным! Чтобы отыскать его, Кате пришлось прошагать несколько километров под палящим солнцем, но оно

того стоило. Чистый пляж, вода такая прозрачная, что даже на глубине отчетливо видны камешки на дне. Рай на земле. И соседей почти нет. Маячат где-то далеко, почти на горизонте, не мешают. И загорать можно топлес, не видит же никто. Если бдительность не терять, поглядывать по сторонам, то и не увидит. Катя закрыла глаза. Она полежит немного, самую малость, а потом совершит заплыв...

...Андрей, оставшийся без товарища, неторопливо брел по бережку. Мысли в голове рождались ленивые, неспешные — под стать настроению. Пляж делался все пустынное, а попадающиеся на пути персонажи все колоритнее. Вон, к примеру, деваха расхаживает по бережку. Очень даже ничего деваха! Из одежды — только шляпка. А формы-то, формы! Поторопился Сема со своей богиней. Самые распрекрасные богини, оказывается, впереди. Эта, в шляпке, как раз в Семином вкусе: бедристая, грудастая, с волосами до задницы — стопроцентный славянский тип. Интересно, сколько на такое роскошное тело нужно крема для загара? От нечего делать Андрей принялся производить в уме математические расчеты. А потом взгляд зацепился за кое-что знакомое, и про расчеты Андрюха забыл.

Рыжие волосы, стянутые в конский хвост. Зеленый купальник, точнее, его нижняя часть. Верхняя небрежно валяется рядом с уже тронутым загаром и первыми веснушками телом. По-детски розовые пятки. Ноги в меру стройные, в меру длинные, переходят в почти идеальной формы поясицу с ямочками в тех местах, где им и положено быть. Талия узкая, спина спортивная, даже в расслабленном состоянии мышцы отчетливо контурируют. А плечи, пожалуй, могли бы быть чуть-чуть поуже.

В женском теле акценты должны расставляться правильно: плечи покатые, талия осиная, бедра в меру широкие. Хотя в целом рыжая выглядела аппетитно, по крайней мере с тыла. Так, наверное, и должна выглядеть профессионалка экстра-класса, любительница экстремального секса.

Андрей подошел почти вплотную. Так близко, что между кончиком ее рыжего хвоста и его ступнями оставалось сантиметров двадцать, не больше. Вот не любил он шлюх. Ни дешевых вокзальных девок, ни таких вот супердорогих и суперэлитных. Этап товарно-денежных отношений, когда любовь предлагалась в обмен на что-то более материальное, он уже прошел. И этап этот оставил в душе мерзкую черную накипь, которую не оттереть, не отскрести. Он не любил шлюх и, глядя на загорелое, припорошенное белым песком тело, не понимал, зачем остановился.

Он бы ушел. Не сию секунду, так через минуту, но не успел. Рыжая что-то услышала или, скорее, почувствовала, дернулась, с проворством кошки перекадилась на спину и села...

...Катя не собиралась засыпать. Знала, что сон под южным солнцем равноценен самоубийству. Знала и все равно заснула. А потом словно в бок кто-то пнул, жестко и бесцеремонно. Одурманенный дремотой мозг еще только настраивался на реальность, а тело уже действовало, стремительно меняя горизонтальное положение на вертикальное. Случилось что-то страшное...

И самые худшие подозрения подтвердились — страшное случилось. Страшное нависало над ней каменной глыбой, бритой башкой заслоняя полнеба. Оно разглядывало ее в упор и задумчиво

скребло небритый подбородок. Катю передернуло. Страшное криво усмехнулось и от этого стало еще страшнее...

...Рыжая сидела у его ног и глупо хлопала ресницами. От этого Андрею все никак не удавалось понять, какого же цвета у нее глаза. Зато все остальное он успел рассмотреть очень даже детально.

Собственно говоря, рассматривать-то было нечего. Видал он бюсты и попышнее, и поаппетитнее. Разве что веснушки. Грудь, усыпанная веснушками — это что-то новенькое.

— Что вам нужно?! — Рыжая наконец проморгалась и теперь буравила его гневным взглядом.

Андрей улыбнулся самой приветливой из своих улыбок. А она вся в веснушках! И грудь, и плечи, и лицо... А глаза у нее не зеленые, а светло-карие, тоже словно бы веснушчатые. И при ближайшем рассмотрении не так уж она и хороша. Не дурнушка, конечно, но и на роковую женщину не тянет. Садомазохистские примочки и веснушки! Какой-то мезальянс...

...Урод! Ну урод же! И ухмылка эта мерзкая, и шрам отвратительный! Подкрался, как вор... Что ему нужно и куда это он смотрит?.. Катя отследила взгляд и мысленно застонала. Но в полотенце заматывалась без суеты и спешки. Хорошо бы еще и не покраснеть.

— Замерзла? — участливо спросил бритоголовый.

Катя презрительно фыркнула. Не любила она людей, вот так, с ходу, переходящих на «ты».

— Что вам нужно? — Акцент на «вам» она сделала намеренно. Вдруг поймет.

— Мне? — Бригоголовый пожал плечами и присел перед Катей на корточки.

Ничего страшнее этой заросшей трехдневной щетиной морды, уродливого шрама и нагло прищуренных глаз она в жизни не видела. А видела она всяких. Странно, что на бычьей шее нет золотой цепи в палец толщиной. Такие, как этот, любят дешевые спецэффекты.

— Не возражаешь? — Бригоголовый плюхнулся на песок в полуметре от Кати, прямо на ее лифчик. Специально небось.

Она возражала. Еще как возражала! Именно поэтому отодвинулась, придерживая на груди полотенце.

— Познакомимся. — Не вопрос, а утверждение. Как же отказать такому милому парню!

— Не хочу. — Катя с тоской посмотрела на завязку лифчика, выглядывающую из-под бедра бригоголового. Хоть бы сдвинулся, что ли...

...Да, не пришелся он ко двору! Это ж сколько нужно учиться, чтобы вот так человека осаживать — вежливо, одним только взглядом. Чувствуется профессионализм и богатый опыт. Жизненный и вообще... Ну конечно, она же клиентов сама выбирает, профессионалка хренова! Она же на курорте, отдыхает тут от своей мерзкой работенки. На курорте можно представить себя даже непорочной девой в белых одеждах, грудь прикрывать целомудренно, отшивать всяких там зарвавшихся хамов. И при этом загорать без лифчика. Была бы она честной шлюхой, не скрывала бы так цинично свою сучью суть, послала бы его прямым текстом, он бы и ушел. Слова бы поперек не сказал, но она смотрела на Ан-

дрея, словно он пустое место, и поправляла свое гребаное полотенце, как королевскую мантию. И Андрей разозлился.

— Ну, так как тебя зовут? — спросил требовательно.

Рыжая окинула его таким взглядом, что он удивился, как это море до сих пор не покрылось льдом. Могло запросто.

— Послушайте, я не хочу знакомиться с такими... — Она запнулась. — С кем бы то ни было не хочу. И с вами в том числе. Я достаточно ясно выражаюсь?

Куда уж яснее! Теперь можно уходить. Вот только уходить не хочется. А чего хочется, Андрей еще и сам до конца не понял. Она же совсем не в его вкусе. Веснушки и шлюхи — не его тема. Тогда что же он так завелся? Словно только что, вот прямо сейчас, выдержал бой со Стариком. Шрам зачесался так сильно, как не чесался уже давным-давно, и Андрей поскреб щеку.

С дурацкой привычкой тереть шрам при малейшем волнении он боролся уже больше десяти лет. Это что же, выходит, он волнуется?! Быть такого не может! После Леночки Колесниковой его не волновала ни одна женщина. Если, конечно, не принимать во внимание чистую физиологию, но физиологией тут и не пахло. Его организм никак не реагировал на рыжую. На нее реагировал мозг. И еще как реагировал! Болезненно, как на ноющий зуб...

Андрей снова почесал шрам, а потом увидел Сему, который неспешной походкой шел по берегу. Значит, сподобился оторваться от своей богини. Или, может, крем для загара закончился?..

...Громила, пострашнее бритоголового, медленно, но неуклонно приближался. Гора мышц, кривые ноги, длинные руки, квадратная башка. Вот повезло так повезло! До ближайших соседей кричать — не докричаться. Мало ей одного неандертальца, вот и второй поспешает. Катя на всякий случай покрепче вцепилась в полотенце.

— Сколько ты хочешь? — будничным тоном спросил бритоголовый.

— Простите? — Думать сейчас Катя могла только о том, что она одна, а этих... неандертальцев уже двое и до соседей не докричаться.

— Сколько ты хочешь за свои услуги? — Он разглядывал ее с брезгливым интересом и все время скреб шрам.

— За какие услуги?

Определенно, бритоголовому могли бы понадобиться ее услуги. У него явно есть кое-какие... отклонения. Но откуда ему знать?..

...Рыжая так старательно изображала удивление, что Андрею стало смешно.

— Я собираюсь переспать с тобой, — терпеливо объяснил он. — Нормальный секс, никаких извращений. Но если ты будешь очень стараться и мне понравится, то в следующий раз можем попробовать и твои специфические штучки.

Его злость казалась иррациональной, Андрей и сам не понимал, зачем ему все это. Рыжая его не возбуждала, наоборот, она его бесила. И секс с ней был ему совершенно не нужен. Но предложение уже сделано, осталось дожидаться ответа. Если он не постоит за ценой, белые одежды спадут с нее вместе с пляжным полотенцем, обнажая насквозь продажную суть. В этом мире все покупается и все

продается. Даже любовь. Даже безответная любовь... Он убедился в этом девять лет назад и хорошо усвоил урок...

...Смысл сказанного доходил до Кати медленно. Она даже дышать перестала, пытаясь уяснить, все ли правильно поняла. Ей предлагают деньги? За что? За то, что она согласится переспать с этим... неандертальцем? Ему пока даже не нужны ее специфические штучки, только нормальный секс. Вот как!

Неандерталец ждал, смотрел на Катю внимательно-сосредоточенным взглядом, и ей казалось, что в данный конкретный момент он видит перед собой не ее, а кого-то другого. И этого кого-то он ненавидит лютой ненавистью. Или презирает. Все-таки интересно, если она закричит, кто-нибудь придет на помощь?.. Катя потянулась, выгнула дугой затекшую спину, нашарила в сумке-холодильнике бутылку с замороженной минералкой, сделала жадный глоток.

— Предлагаю начать сразу с моих, как вы выразились, специфических штучек, — сказала ласково и подалась к неандертальцу...

...Лед тронулся, господа присяжные заседатели. Лед тронулся! Что и требовалось доказать! Взгляд скользнул по довольной физиономии приближающегося Семы и застыл на губах рыжей. А губы в общем-то очень ничего! Организм наконец взбодрился и начал подавать признаки жизни.

— Я подумаю, — пообещал Андрей и решил, что и в самом деле подумает, коль уж она сама предложила.

Он расслабился, поверил той, кому верить нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах, и упустил момент, когда во вкрадчиво-тихом голосе зазвенела сталь, а на дне медово-рыжих глаз выкристаллизовался лед...

Что-то ледяное вылилось ему на плавки, жестоко и категорично гася огонь, разгоревшийся было в причинном месте, заставило взвыть от неожиданности и вскочить на ноги.

Рыжая бестия продолжала призывно улыбаться, постукивая коготками по пустому баллону, в котором еще совсем недавно плескалась замороженная минералка.

— Ну как? — спросила она. — Тебе понравились мои специфические штучки? Эта штучка, к примеру, называется «лед и пламя». Впечатляет, правда? А главное, для тебя совершенно бесплатно!..

...Безумство — злить вот такого! Но, совершая это безумство, Катя ничем не рисковала. К морю поблизости от них как раз выходила компания молодых ребят. Слишком много свидетелей, чтобы рисковать. Неандерталец, конечно, идиот, но ведь не сумасшедший!

Катя просчиталась. Неандерталец оказался достаточно сумасшедшим, чтобы сдернуть ее с места, сжать в тисках лап так, что не вдохнуть, не выдохнуть. Бутылка с минералкой с тихим всхлипом упала на песок, следом спланировало полотенце. А потом на затылок Кате легла тяжелая ладонь, медленно и неотвратно впечатывая ее лицо в каменную твердь мужского торса.

— Мне не нравятся такие штучки. — Слова теперь доносились до нее словно через толстый слой ваты. И воздуха в легких оставалось все меньше и

меньше. Катя дернулась, пытаясь вырваться из медвежьих объятий. — Скажи, что извиняешься, что больше так не будешь.

Он издевается? Как она скажет, если не может даже дышать! Катя снова дернулась и выразительно захрипела. Хватка ослабла, ровно настолько, чтобы дать ей возможность сделать глоток воздуха.

— Урод, пусти!

Пальцы соскользнули с затылка, легонько сдавили шею, и Катя почувствовала себя пойманной за загривок кошкой.

— Не хами, лучше извинись. — Больно больше не было, и пальцы сжимали шею осторожно, даже поглаживали, кажется.

Она должна извиниться? За что?! С какой стати?!

Катя вдруг отчетливо представила, как они выглядят со стороны. Как милующаяся парочка влюбленных — вот как! И ничего страшного, что ее держат за загривок. Такая вот у них любовь... специфическая. Никто не придет ей на помощь, и когда неандерталец свернет ей шею, тело ее бедное так и останется лежать среди дюн в непотребном виде, без лифчика. Злость пересилила страх, и Катя почти решилась на крайние меры.

— ...Лихой! Ты что творишь?! — раздался совсем рядом зычный бас.

Она перестала вырываться, затаилась.

— Что это ты девушке голову откручиваешь? Поставь ее на место! Слышь, Лихой?! Разве можно так себя вести с дамой?

— С дамой нельзя, — согласился неандерталец, но Катю не отпустил, из чего она сделала вывод, что к славной когорте дам он ее не относит.

Она собрала остатки сил и гордости и впилась зубами в очень кстати подвернувшийся бицепс.